

Отступник

Автор:

Жанна Пояркова

Отступник

Жанна Михайловна Пояркова

В лагере еретиков лучшее развлечение – нарушение правил. Безбожники и бандиты совершают запретные чудеса и строят воздушный флот. Лагерь – пристанище налетчиков, колдунов и блудниц. Инквизитор Дрейк должен оказаться в самом пекле, чтобы понять, что в битве между дикими отступниками и Армадой выбор не так очевиден, как кажется издали.

Жанна Пояркова

Отступник

© Пояркова Ж. М., 2017

© Иллюстрации, Беспалова Е. Л., 2017

© Художественное оформление, «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

* * *

Посвящается Нгоо

Спасибо Елене Бычковой, Алексею Пехову, Наталье Турчаниновой за беседы, Hellstern – за талант и вдохновение и Ксану – за «Ворона и перекресток».

Автор

Прежде всего не полагайтесь на незыблемость правил.

Брюс Ли

Ибо сам человек совершает зло и сам оскверняет себя. Не совершает зла он тоже сам и сам очищает себя. Чистота и скверна связаны с самим собой. Одному другого не очистить. В небе нет пути, нет отшельника вне нас. Люди находят радость в иллюзиях, татхагаты лишены иллюзий.

Будда

Глава 1

Лагерь

Я оказался в мертвом городе потому, что Кари Годар собирала всякий сброд. Ей было совершенно все равно, кого набирать в свою армию, а мне было плевать, куда отправляться и что делать. Многие серьезные дела начинаются именно так – от отчаяния или скуки.

Слухи об армии еретиков под руководством блудницы и ее миньонов докатились даже до столицы, где я прозябал в унынии и бессмысленности, просяживая остатки монет в кабаках. Бог больше ничего не говорил мне, так что я не знал, насколько ей можно верить, руки молчали. На вид же Кари оказалась отчаянной, грубой и хитрой женщиной, коротко остриженной и одетой в мужскую одежду, что всех оскорбляло, включая и меня самого. У нее были дирижабли, динамит и стволы, также у нее хватало денег, которых мне начало сильно не хватать. Я искал наказания, божьей кары, жаждал расплаты, но, что бы я ни совершал, пустота оставалась пустотой. Подававший надежды инквизитор в армии тех,

кого предали анафеме, – ниже опуститься невозможно. Мне казалось, что мы похожи: Кари ходила и думала, как полководец, но не могла избавиться от женской оболочки, а я уже стал ничем, но все еще носил черную шинель воинства Бога-отца, порядком теперь истрепанную. Может, я присоединился еще и поэтому. Меня начали привлекать люди в процессе метаморфозы.

Странно, как человеческие существа меняют этические предпочтения под давлением обстоятельств собственной жизни. Стоит потерять ногу, как начинаешь присматриваться к безногим. Еще немного – и я буду останавливать каждого безбожника, духовного калеку, спрашивая, что они чувствуют, потому что хочется расспросить самого себя.

Кари не была безногой, но редкие оставшиеся добропорядочные люди Сеаны также отводили взгляд, когда встречали ее с подручными на улицах. Ее не впустили бы ни в один приличный дом, но Кари не страдала, своими руками сотворив пародию на высший свет: сборище бунтарей, дезертиров и разбойников, изгнанных театралов, подозрительных изобретателей, стареющих стрелков, уволенных игроков и нервозных налетчиков. Впрочем, добродетельных семей в Сеане не осталось – они либо прокляли все и уехали в Радир, подальше от смуты, либо присоединились к еретикам, соблазнившись ярким блеском вольнодумства Кари Годар. Полумеры в Сеане не в ходу. И, должен признаться, спустя час после встречи я тоже горячо ненавидел ее – Кари взяла меня, пустого, ищущего потерянное человека, на место своего инквизитора.

– Я больше не чувствую правду. – Исповедь давалась трудно. – Не смогу понять, когда лгут. Я уже не инквизитор.

– Значит, придется научиться полагаться не на высшие силы, а на самого себя. На остроту человеческого ума, – передал ее мысли Каин да Коста, рослый черноволосый бугай.

Сама Кари не удостоила меня взглядом, сидя в пародирующем трон старом кресле и наблюдая бесцветными глазами за тем, как шумит лагерь. Что бы ни было у этой женщины на уме, это поглощало ее полностью.

Я – священник, потерявший веру. Избитый, никчемный персонаж. Как при потере ключей – ни за что не удастся вспомнить, когда именно это произошло. Казалось, еще недавно каждый шаг был весом, а мир держался на миллионе

невидимых струн, но все незаметно обесценилось. Мир без Бога очень одинок, в нем гораздо проще чертить маршруты. Отпадать, отворачиваться, бросать вызов – казалось, что так я узнаю о Боге больше. Что лжецы, цепляющиеся за ритуалы и обманывающие пустыми лицами, – мои враги. Но в какой-то момент я просто забыл, что вражду в шутку, шуточные доказательства стали настоящими. Я начал сомневаться, не были ли мои былые прозрения иллюзорны. В детстве я не мог понять, как люди отрекаются от своих трудных открытий, но стоило допустить возможность, что Бог никогда не говорил со мной, как жизнь начала представляться замечательно простой.

Люди говорят, что Бог их покинул. Но на самом деле это мы его покидаем, это я ушел. Сворачивая с дороги, чтобы испытать свою крепость, я забыл, как возвращаться. В погоне за опытом потерял невинность, которая позволяла обнаружить путь снова. Каждый раз я уходил все дальше и дальше, пока не исчез в бесконечном лесу. В мире Бога все обратимо, все можно исправить, мертвого можно воскресить, оступившегося – простить. В мирских же городах царит окончательность. Пустота. Необратимость.

Грубость окружения подавляла. Я не понимал, как да Косте и Лютеру удается удерживать лагерь в повиновении, почему Кари не растерзали и не выкинули в канаву, как она того заслуживает. Однако ее предложение сулило и статус, и деньги, пусть и ненадолго, так что я согласился. Даже в самовольном изгнании я не был готов устремиться дальше по карте. Без инквизиторов не бывает суда, ведь только они точно знают, солгал ли подсудимый или свидетель, но я ослеп. Еретики просили, чтобы я устанавливал правду, говоря с Богом, в которого больше не верил и которого не слышал. Или так они собирались еще сильнее раздражить Армаду, насмехаясь над титулами духовенства и пародируя обряды? Что ж, я не видел смысла отказывать.

– А ты ведь думал, что можешь прикарманить Бога? Что он только твой, а? Ха-ха-ха! – засмеялся пьяный. – И теперь его слышат все, все, кроме тебя!

Он бредил, но лихорадочный смех пронимал. Лагерь был велик, страшен, находившиеся в нем люди – темны лицом. Они смотрели в небо и ждали, когда

то взорвется и запахнет порохом; они спали, пили и задыхались от страсти прямо на краю затянутого туманом города мертвых, куда, по преданию шуай, трупы уходили, чтобы обрести покой. Но, в отличие от разбойников, воевавших лихо и весело, желающих трофеев и простой, понятной победы, здесь собрались люди, которых я до конца не мог понять. На пути сюда я встречал безбожников, видел подлецов, делил хлеб с теми, кто не может заглянуть за границы простой крестьянской жизни, видел разочарованных, потерявшихся, как и я сам.

Но армия Кари была другой. Они называли себя кхола, «людьми ясности», и хотели абсолютного неповиновения, холодной свободы без творца и без рая. Ими двигала гордость, неведомая мне одержимость. Я хотел занять этой одержимости, ража, совершить богохульство, втайне надеясь, что это привлечет внимание Бога, но никак не мог научиться.

– Тебе выделили шатер, инквизитор. – Ко мне подошел рыжий молодой бандит. – На самом краю обрыва, отличный вид.

Я молча кивнул, и мы пошли между кострами. Сбоку весело пела женщина, волосы переливались в отблесках пламени, а сидящие полукругом неторопливо отбивали ритм ладонями.

– Трудновато тебе придется, а, инквизитор? Я слышал, такие, как ты, с детства учатся по церковным книгам, сплошные церковники рядом. Церковник за отца, церковник за мать, церковники в друзьях, повсюду святыя образа – тут поневоле начнешь отбивать поклоны. Кари говорит...

Мне не хотелось ничего слушать, но рыжий продолжал. Речь вплеталась в рисунок, выложенный заревом костров, во вскрики спящих или обрывки разговоров. Что-то из сказанного я знал и сам, но из уст плохо образованного бродяги это звучало оскорбительно. Многолетнее обучение в боевом аббатстве и впрямь давало о себе знать. Что-то из его слов казалось страшной, неприглядной ересью, которую нужно затоптать и уничтожить, пока и другие люди с такими же простыми лицами не начали это повторять. Но я сдерживался, нарушая прежние запреты. Странно, что раны никак не заживали.

– Вот, инквизитор. – Рыжий довел меня почти до того места, где холм разрывала жесткая вертикальная линия; внизу расстился невидимый город шуай. – Располагайся. Скоро начнешь вершить суд. Завтра к нам посол приедет,

наверняка горазд приврать.

Когда я шел в войско бунтовщиков, то ожидал презрения, насмешек, злобы. Но, как ни странно, к изрядно истрепанной одежде дознавателя в войске Кари отнеслись уважительно. Люди здесь не соотносили способности инквизиторов с верой. Многие не раз видели, как инквизиторы с ходу отличают самую изощренную ложь от истины, и местные не ставили мне в вину несправедливые приговоры, вынесенные церковными судьями. «Определять правду – дело инквизитора, выносить приговор во благо церкви и Бога-отца – дело судьи», – любил говорить Робер Кре, но на деле судьи часто руководствовались не благом кого бы то ни было, а собственным кошельком или указаниями пастырей. Люди из войска Кари жалели, что полезное орудие побывало в плохих руках. Но теперь я, орудие, попал в нужное место, поэтому рыжий был доволен и, уходя, даже оставил кувшин вина.

Город мертвых был тих, я видел только глубокую черноту под ногами. Небо, сбрызнутое мелкими, колкими звездами, казалось бархатным, далекая темнота развалин – скорее холодной. Забравшись в шатер, я обнаружил там спальный мешок из твердой ткани и шкур, револьвер, мешочек с порохом, пули, нож и новую одежду. Оружие не раз использовалось, так что кто-то или умер, или одолжил мне его.

Отхлебывая резкое вино, я смотрел вдаль и собирал воедино то, что узнал о еретичке. Кари выступила в поход несколько лет назад, начав с небольшой группы заскучавших младших сыновей знати и духовенства Сеаны, которым по законам страны не светило ни наследства, ни славы. Родиться последним означало подчиняться старшему брату и обладать только тем, чем тот благодушно тебя наделил. Такой порядок вещей был освящен Богом и церковью, но Кари удалось довести недовольство до той стадии, когда разгневанные несправедливостью младшие сыновья становятся бунтовщиками. Сначала они приходили к ней, чтобы предаться запрещенному возмущению в кругу таких же, как они, и разогреться вином, затем – за развлечениями, потом – потому что сами придали Кари сил и не могли оставаться в стороне. Трубадуры насаждали легкомыслие и веселье.

Репутация Кари и без того не блистала чистотой, потому что бросать вызов порядкам церкви вошло у нее в привычку довольно рано. Ее отец находился в разъездах, а мать умерла, поэтому никто не мог приструнить странную девушку. После неожиданной гибели отца, весьма успешного промышленника и

дворянина, она получила всю его собственность. Главным ее приобретением стали шахты по добыче серебряной и железной руды, которые желал получить каждый в городе. Ситуацию усугубляло то, что Кари отказывалась выйти замуж или нанять управляющего, как это следовало сделать по традиции, и начала заниматься управлением самостоятельно.

Мэр Сеаны не собирался терпеть такой беспорядок и отправил по вооруженному отряду к каждой из ее шахт, чтобы вернуть казне города то, в чем та определенно нуждалась. Из благородных побуждений мэр был готов выделить Кари содержание до замужества. Так мне рассказал у костра мужчина в заплатанных штанах, хотя выражался он попроще, а на слове «содержание» сплюнул комок слюны вперемешку с табаком.

Однако Кари предвидела такое развитие событий и заключила договор с младшими сыновьями знатных родов города, которые вскоре стали завсегдатаями в ее доме, сразу же после смерти отца. Лютер, да Коста, Мартир, Герма? – перед этими фамилиями склонялись, но сейчас они стали символом ереси. Кари отдала их младшим представителям половину имущества взамен на защиту, и это было выгодное предложение, потому что в случае захвата шахт мэром эти мужчины так и остались бы нищими слугами своих высокопоставленных отцов и братьев. Теперь же они превратились в собственников, способных оплатить личную охрану.

Отряды мэра были уничтожены, и он не смог сказать ни слова, потому что надеялся на слабость женщины, а получил в ответ самодовольство владельцев. Мэр сделал вид, что ничего не произошло, но четверку наглецов раздосадованный епископ да Коста отлучил от церкви за противостояние властям, назначенным самим Богом. В ответ на отлучение, задуманное как временное, его сын взял себе новое имя – Каин.

– Ты кое о чем забыл рассказать, – перебила бандита яркая шлюха в длинной юбке, к которой пристала солома. – О том, что Каина да Косту раньше катали на деревянной коляске, потому что он был болезненным и не мог стоять. А Доминик Герма кашлял кровью, и все ждали, когда он умрет.

– Не влезай, Шэнни.

Женщина замолчала, но продолжала нагло нас разглядывать.

– Да, младший сын да Косты родился больным, – согласился бандит. – Про Раймонда Мартира говорили, что у него с женщинами был полный швах, хе-хе... А теперь он постоянно с какой-нибудь бабой, все они по нему сохнут.

– И Лютер... – не выдержала Шэнни.

– Лютер был очень умен, все за книгами сидел, но рано стал слепнуть. От этих книг у кого угодно глаза вытекут! В двадцать три уже ослеп на один глаз, а потом его по городу водил слуга.

Я видел Тео Лютера издалека. Для слепого он слишком резво бегал возле дирижаблей, да и вряд ли незрячему доверили бы работу с легковоспламеняющимся газом. Найти правду внутри орды Кари оказалось еще сложнее, чем я предполагал. Люди начали окутывать предводительницу еретиков нелепыми легендами.

– И что же случилось? – скептически спросил я.

– Кари их исцелила.

Три слова выпорхнули изо рта Шэнни легко, как бабочки.

– Она сделала их снова целенькими.

По спине пробежали мурашки. Я встал и отошел от костра в сгущающуюся тьму. Лагерь бормотал в затылок, после пламени чернота ночи казалась непроницаемой, но постепенно глаза привыкали.

Эту историю я слышал в разных вариантах – из уст мрачного продавца пороха, от разбитных жонглеров, которые раскручивали горящие круги ради потехи, от бывшего крестьянина, от раскаявшегося мародера, примкнувшего к войску Кари, от надменного дворянина, ненавидящего церковников, и даже от дочери кузнеца. Каждый рассказывал историю по-своему, добавлял детали, забывал что-то или приукрашивал, но финал был одинаковым. В их понимании Кари по каким-то причинам обладала возможностью исправлять ошибки, допущенные Богом.

Так или иначе, получив союзников, она продолжала делать все, чтобы вызвать возмущение, зависть и ненависть городской знати и церкви. Кари стала собирать опальных механиков и изобретателей, чьи идеи показались церкви слишком смелыми, и построила свои дирижабли, что было строжайше запрещено. Механиков взял под крыло Тео Лютер, увлеченный науками, и вскоре ему было чем защитить беглецов. Годар повысила цены на железную руду из своих шахт, чем вызвала огромное недовольство мэра, и освободила каторжников, которые, по старому обычаю, трудились там за миску тухлых клубней. Не было людей более преданных, если не считать тех, что прогнили до основания и растеряли последние представления о благодарности. Эти бежали и еще долго оставляли трупы невинных и виноватых в окрестностях Сеаны. Стоит ли говорить, что бывшие каторжники ненавидели суд церкви, отправивший их на каторжные работы, точно так же, как и механики Тео Лютера?

Тогда я и услышал о Кари Годар впервые. Церковь никогда не дает усомниться в собственном авторитете, ведь когда Бог молчит, авторитет – это все, что у нее есть, поэтому вскоре в Сеану должен был прибыть крупный отряд братьев веры. Должен был... но выстрелы с борта дирижабля, заставшие рыцарей в пути, не позволили этому визиту состояться.

С этого момента стало понятно, что Кари либо обезумела, либо одержима, потому что бросать вызов церкви и ее Армаде мог только сумасшедший. Мэр Сеаны собрал доступных ему воинов, однако по неизвестной причине те повернулись против него. Каин да Коста спалил особняк отца и смотрел на то, как епископ спешно бежит, оставив позади прежнее богатство. Все благочестивые граждане покинули Сеану. Те же, которые не побоялись жить в новом городе, принадлежащем Кари, не боялись и Бога. Они не боялись ничего.

А вот я – боялся. Я ворочался на жесткой соломе, прокручивая в голове варианты того, как буду врать перед посланцем Армады и наглыми наемниками Кари, и испытывал острый страх.

Глава 2

Судьба Риона

Тристан Четвертый, прозванный в народе Терновником, смотрел на свои руки и видел, как на них расцветают кровавые перекрестья. Эта способность никогда не переставала удивлять – умение сочувствовать даже в воображении, погружаясь в чужие ощущения настолько глубоко, насколько это возможно. Горе было бесконечным, ошеломляющим. Сына Бога-отца распяли, гвозди пронзили драгоценное тело, а чернь лишь шумела и радовалась. Мало кто понял, кто умирает перед ними, и сейчас Терновник стал сыном Бога, переживая каждый удар, словно тот наносили ему. «Смог бы я поступить так же? Пойти на пытку ради спасения других?» – думал Тристан, глядя на сочащиеся кровью раны. Вряд ли. Ему не доставало решимости, а потому он негласно наказывал сам себя, размышляя о божественной жертве снова и снова.

Тристан делал это не в первый раз, доходя до умопомрачения, ужасаясь тому, насколько греховна его природа. Хотелось понять, почему Бог-отец отказался от милосердия и взялся за меч, чьи крестовины сияют с часовен по всему Лурду. Каждый день, следуя заветам пастыря Бэкера, он погружался в мысли о том, как несовершенен и лжив, моля о прощении.

Прежде случалось, что он мимолетно разделял чувства влюбленной девушки-горничной, щурясь от света чужого счастья, или нехитрые, повторяющиеся ощущения рабочих, строящих храм. Иногда Тристан неумышленно читал мысли других людей, если они подкреплялись сильными эмоциями. Но эти кустарные, ученические попытки наугад разобраться с непостижимым даром вскоре прекратились. Пастырь Бэкер не раз говорил, что способность читать чужие чувства, проникать в сокровенное – испытание, искус, с которым следует изо всех сил бороться. Тристан боролся. Но кипящие лавы ада казались королю близкими как никогда.

– Жуткое зрелище.

Дал Рион подошел незаметно. Лучи солнца распадались, проходя через мозаику, и разноцветный теплый свет делал церковь ласковым убежищем. Тем более странно было возвращаться сюда из видения, в которое Тристан погрузился. Раны на руках зарастали, как будто их и не было.

– Ты нарушил мое покаяние, Дал. Надеюсь, на то была причина.

– Причина в том, что тебя заказали.

– Ты пришел меня убить? – изумился Тристан, поднимаясь с колен.

– Если бы я согласился, то для убийства место отличное. Тихо, никакой охраны, ты безоружен, полностью погружен в... – Дал насмешливо подбирая слово, – в общение с Богом. Лучшего невозможно желать.

– Кто? – Король потер затекшую ногу и ощутил нехватку клинка.

Дал поймал его взгляд и положил ладони на рукояти прикрепленных к поясу кривых сабель, как бы усиливая ощущение перевеса. Однако король не опасался – если бы Дал Рион захотел отделить его голову от туловища и принести заказчику, то так бы и поступил.

– Не знаю, кто конкретно, но за заказ ответственна церковь. Они знали о тебе все, даже сколько раз в день ты ходишь облегчиться. – Убийца ухмыльнулся. – Чистая политика. Видно, после того, как Совет всенародно объявил тебя святым, стало сложно подписывать твоим именем неприятные указы. Не может же святой повышать налоги, правда? Люди не поймут. Посланник просил устроить тебе мученическую кончину. – Дал убрал руки с клинков. – Как видишь, не только святость приносит пользу. Заказчики не были достаточно информированы, чтобы знать, что у тебя друзья в гильдии убийц.

Дал Рион сильно изменился с тех пор, как Тристан видел его в последний раз. И без того хищные черты лица стали резче, тело огрубело от постоянных тренировок, длинные волосы были небрежно склоты в пучок, напоминая прически язычников. Губы пролегли узкой чертой, постоянно изгибающейся в разнообразных усмешках. Одет он был функционально, но сохранил странный бандитский шик.

– Ты клеветешь на церковь, Дал.

– Я отказался, но другие возьмутся. Тебе стоит использовать святость как-то иначе, не только для того, чтобы уродовать себе руки и лоб. Я знаю, что святые многое могут, хотя пастыри запрещают делать это направо и налево. Тебе нужен учитель, а не самоистязание.

– Использовать силу напрасно запрещает Бог-отец. Пастыри – лишь проводники его слова, – поправил король, окончательно приходя в себя.

– Как пожелаешь, Терновник. Думаю, ты сможешь найти им сотни оправданий. Но тогда стоит просто подождать другого убийцу и занять место в потрепанных иконостасах. Где-то с краю, где никто не заметит. Что же так тебя изменило?

– Бог-отец, – сказал король и ощутил, как в душе разливается тепло. – Он указал мне, что я погрузился в мерзости жизни, указал выход, подарил вечную любовь.

– Не так уж я был и мерзок, – усмешка Риона казалась открытой и беззаботной, – но вечной любви, конечно, не обещал. Тут Бог-отец бьет мои карты влет.

– Уходи.

Убийца не настаивал. Такой, как сейчас, король ему неинтересен. Дал Рион помнил Тристана совсем другим – лихим, буйным, любопытным, готовым к риску и полным милосердия, сочувствия к слабым. В шестнадцать Тристан и Дал учились в знаменитой боевой школе Дирка, куда безродного пса Риона взяли благодаря исключительному таланту к фехтованию и стрельбе, а Тристана Четвертого, который впоследствии прославился как Терновник, – ради огрубления натуры и для обучения мастерству постоять за себя. Обе цели оказались с успехом достигнуты. Принц и нищий, закусив удила, сражались друг против друга, ни один не желал уступить. Дал хотел доказать себе, что лучше любой титулованной шишки, а молодой Терновник не мог проиграть простолюдину, как бы одарен тот ни был.

Они выбивались из сил, враждовали, дрались на дуэлях, связывались в тугой узел: где появлялся один, должен был быть и другой, ни одно достижение не оставалось неоспоренным. Любая победа Тристана встречала вызывающий взгляд ястребиных глаз Дала. Чем чаще Далу советовали усмирить честолюбие перед будущим королем, тем сильнее он противоречил. Чем больше духовники убеждали Тристана бросить недостойную гонку и показать мудрость перед простолудином, тем менее мудро он поступал. Все закончилось, когда Тристан во время схватки так сильно сосредоточился на противнике, пытаясь понять его тактику и мысли, что вдруг оказался захвачен шквалом чужих чувств.

Расстояние между людьми, превращающее их в далекие острова, пропало. Разница между королем и наглым безродным псом растаяла. Они стали братьями, затем – чем-то большим. Тристан вдруг потерял границу между собой и другим человеком. Юношу всецело охватило искрящееся, насмешливое

восхищение им самим, которое испытывал и отлично скрывал под маской задиры Дал Рион. Ярость, надменность, отчаянное желание победить, кипучий азарт и невыносимый восторг, превращающий каждое движение короля в обещание завоевать желанный приз. Тристан полностью растворился в сумасшедшей лавине юношеского, грубого вожделения. Он оказался в ловушке, выпивая эти чувства, словно вино, и совершенно от них пьянея.

Конечно, Тристан проиграл ту схватку. Споткнулся, потерял равновесие. Его ослепляла и оглушала чужая глубина. Дал вызвался отвести поверженного противника к лекарям, демонстрируя благородство. Он помогал Тристану идти и одновременно насмехался над слабостью знати, оскорблял изобретательно и без устали, но молодой король слушал не слова, а его сердце. Шальной, сумасбродный, пугающий голос ворвался в мир воспитанного церковью короля, словно штормовой ветер. Каждое прикосновение сбивало с толку. Мир стал насыщенным, влекущим, опасным, и Тристан не понимал, где его чувства, а где – чувства чужака, любящего преступать границы.

Вместо лазарета противники оказались в постели, нарушая церковные законы. Наутро же король рвал волосы в ужасе от того, что совершил. Он не понимал, как такое возможно. Его поработили чужие желания. С тех пор прошло лет семь, но бесшумная походка Дала Риона, стремительно и равнодушно покидающего церковь, резала грудь короля воспоминаниями, которых он бесконечно стыдился.

Он искал ответы у церкви, но та считала способности испытанием, посланным Богом-отцом, а зачастую – меткой дьявола, которую нужно всячески отмывать. Если дар можно было использовать в войне, людей забирала Армада и делала из них святых. Остальным же предлагался лишь один путь – покаяние. Кому охота держать рядом с собой человека, который читает желания? Любой дар считался опасным, через него душой могли завладеть демоны, а этот – и подавно. Неудивительно, что короля решили убить.

Что касается покаяния, то за прошедшие годы Тристан весьма в нем преуспел, так и не сумев себя простить. Для Риона, в дальнейшем с успехом закончившего фехтовальную школу Дирка и открывшего для себя теневую сторону Лурда, секс был еще одним увлекательным развлечением, которое дарила жизнь. Убийца был вольным, безнравственным безбожником, творящим добро и зло хаотически, по желанию. Он не слишком беспокоился о наказании или репутации, его влекли запреты. Но Тристана воспитывали иначе. Он пал в своих глазах, совершил

непростительный грех. Чем больше он думал о жутком проступке, тем реже приходил на тренировочную площадку с мечом в руке и тем чаще молился, пока после череды постов и ночных бдений на руках и голове короля не появились стигматы. Так Тристан Четвертый и стал для народа Терновником, полным печали святым.

Шагая по аллее, ведущей в здание Совета, король принял решение, которому было суждено изменить многое в жизни Лурда. Великодушный поступок Дала Риона, небрежно подарившего Терновнику жизнь, лишний раз доказал, как зыбко спокойствие, как легко его разбить. Уединение и покаяние не приносят результатов, это лишь побег с поля боя с грехом. Короля мучили бесчестье, попрание божьего закона и собственная бесполезность. Ему все еще нравилась бесшабашность Дала. Если бы он смог забыть свой позор, они стали бы лучшими друзьями.

Но он не мог.

- Пастырь Бэкер ждет вас, король. Слава Господу, слава Лурду!

Армада не нуждалась в короле, ведь все решения принимались Высшим Советом церкви. Однако Тристан Четвертый служил вывеской, говорящей черни, что церковь не погрязла в мирском грехе, что ее руки не перебирают золото и не держат оружие. Вывеска отпетого лгала - Армада обладала многочисленным воздушным флотом и крупной армией.

Церковная дисциплина позволяла муштровывать братьев веры, добиваясь результатов, которые для обычных рекрутов были недостижимы. Святые совершали чудеса по указанию Высшего Совета, укрепляя преданность очевидцев. Одно дело - драться за деньги или ради сохранения верности неведомой знати, другое - сражаться за всемогущего Бога-отца, который наградит тебя после смерти. Истово, до фанатизма верующие сестры и братья Армады позволили за последние сто лет значительно расширить границы Лурда за счет восточных земель, где жили узкоглазые еретики шуай. Теперь плененные безбожники трудились на Лурд в поте лица. Такое распределение труда позволяло членам Армады не отвлекаться от насущных задач.

Тристан не питал иллюзий относительно важности своего положения, но подобный расклад прежде его удовлетворял. Глухие к истинной вере должны

работать, сосредоточившись на смирении. От чрезмерной свободы в людях пробуждаются грехи. Те же, кому Бог-отец дал талант сражаться, должны пресекать заблуждения и вести обманувшихся к свету истинной веры. Кому управлять, как не Совету церкви, состоящему из пастырей, инквизиторов и святых? Кто может лучше охранить от греха? Если отдать светским лицам бразды правления, они погрузят страну в хаос, разврат, безумие...

Усмешка Дала Риона снова встала перед глазами короля. Конечно, Тристан не был дураком и видел, что почти каждый из Высшего Совета греховен. Если бы он сосредоточился и погрузился в их чувства, то узнал бы гораздо больше, но покрытый стигматами король всячески избегал своего дара. Бог создал мир совершенным, человек отверг совершенство, выбрав неповиновение и гордыню. Бог отдал им своего сына, но сына погубили неверующие. Даже после этого Бог-отец долго ждал, пока люди отвернутся от зла, а затем вырвал несколько городов из земли, расколол небо и швырнул их к безбожникам. Давняя история, трактовки которой сильно разнились, но одно было очевидно – только меч и вера помогут им выстоять. Терновник различал личные грешки членов Высшего Совета и те, которые они совершают во славу Бога-отца. Пятна на пастырях не пятнают церковь – так его учили с детства.

Когда Тристан отдал необходимые распоряжения и вошел в зал, обсуждали новую войну. Лорд-инквизитор Силье, командующий Армады, излучал высокомерный холод, пастырь Вик яростно ему оппонировал. Даже внешне они заметно отличались – сухой, непроницаемый Силье и обильный телом, легко краснеющий Вик, бородатый, одышливый. Пастырей было много, но пастырь Вик, хотя не сменил церковный титул из нарочитой скромности, мог приказывать любому из них.

– Акира – хороший выбор. Обычным дипломатам нечего делать в лагере еретиков, их выставят на посмешище, а головы насадят на кол. Тех сведений, которые нам предоставили, достаточно, чтобы понять, что Годар не собирается договариваться или потакать дипломатическим играм.

– Годар – лишь игрушка в руках да Косты и Лютера. Что может женщина, когда ее окружают знатные мужчины? Мне кажется, нам отводят глаза. А Акира – сам наполовину безбожник. Умно ли посылать к бунтовщикам человека такого происхождения?

– Тебе стоит отбросить предрассудки, Вик. Ею правит демон гордыни, а демон – мужчина, поверь. Дочь Годара удачно воспользовалась ресурсами, чтобы обзавестись сторонниками. И, судя по всему, она достаточно хорошо знает мужчин, чтобы ими управлять. За страсти легко уцепиться, а Акира – настоящий волк в шкуре ягненка. Ему давно пора себя проявить. И им не жаль пожертвовать.

Лорд-инквизитор и пастырь Вик редко соглашались друг с другом.

– О чем вообще можно разговаривать с людьми, которые едва не сожгли пастыря да Косту? Само ее существование – оскорбление Бога! – продолжал горячиться Вик.

– Бога нельзя оскорбить, пастырь. А позиция на краю города мертвых связывает нам руки. Не стоит его зря тревожить. К тому же я бы предпочел получить рабочие шахты, а не развалины, которые придется восстанавливать месяцами. – Лорд-инквизитор был непоколебим.

– Годар утверждает, что никакого Бога-отца не существует и что мы должны перестать досаждать шуай, раз уж попали в их мир, – не унимался Вик. – Их мир! Как будто язычникам что-то может принадлежать! Не говоря уже о том, что Годар идет против женского естества, владея имуществом и командуя людьми.

– Понимаю ваше возмущение, – сказал лорд-инквизитор, – однако мы должны подождать.

– Многие считают, что нам стоит отложить мечи ради милосердия, – заметил молчавший до этого пастырь, одетый в черное. – Господь не только суров, но и милостив, а об этом мы позабыли.

– Многие – это кто? Вы, пастырь Морган? Мы живем в суровое время, в суровых местах, и только на огонь сердца и меч Бога-отца можем мы уповать, – возмутился Вик.

Пастырь Морган поджал губы, но возражать не стал.

Тристан каждый раз поражался идеям, приходящим в голову еретикам. Они были неистощимы на вычурные фантазии. Он попытался представить мир, в котором нет Бога, нет порядка, нет высшей цели, и просто не сумел. Если нет Бога, то все позволено, мир рухнет.

– Король Тристан! – заметил его Вик. – Пастырь Бэкер очень ждал вас для разговора.

Все остальные участники Совета, которых набиралось около десятка человек, немедленно уставились на короля. Он вежливо раскланялся и закрыл за собой дверь.

Пастырь Бэкер являлся наставником Тристана с юных лет. В нем не осталось ни капли милосердия или участия, Бэкер – выжженная земля, пес Бога-отца, мыслящий только категориями наказания. Сначала король его ненавидел, но затем начал любить, как любят розгу, выбивающую дурные мысли.

– Меня пытались прикончить, – начал он разговор с Бэкером, раздраженный приемом Совета.

– Какие неприятные новости, мой мальчик. – Пастырь даже не поднял голову от бумаг.

– Я не боюсь умереть. – Тристан начал погружаться в глубину настроений Бэкера. – Но не как собака! Моя смерть должна принести пользу церкви.

Тристан читал человека после долгого перерыва, надеясь надавить на слабости пастыря, и потому плохо формулировал. Бэкер, казалось, ничего не заметил.

– Я – король-святой, а значит, могу начать масштабную священную войну против еретиков, искоренить зло. Сделать то, что выглядело бы жаждой власти у обычного правителя. Подумайте сами – разве можно запретить святому на троне взяться за язвы порока, которые расползаются по Лурду? Его непримиримость будет простительна, ведь вокруг столько зла...

Бэкер отвлекся от бумаг и посмотрел на короля. Лысый, морщинистый, коротконогий старик взвешивал «за» и «против», и ему нравилось предложение.

Бэкер считал, что давно пора начать новые походы на земли шуай и устроить внутренние чистки, но не было ни повода, ни возможности. Горячность молодого святого и впрямь можно было использовать, свалив на него все просчеты и присвоив все достижения. По крайней мере, это стоило обсудить.

– Отзовите заказ гильдии убийц, – неловко выдавил Тристан, все еще надеявшийся, что Дал Рион солгал. – Вы рано списываете меня со счетов.

– А ваш незадачливый убийца наказан? – поинтересовался пастырь, вернувшись к бумагам.

Высказанное королем обвинение будто стало еще одной его оплошностью, которую Бэкер со вздохом простил.

– Убийце... удалось сбежать.

– Плохое начало, мой мальчик. Слова – неудачные доказательства решимости. Бог-отец судит людей по их делам.

Тристан вышел из кабинета Бэкера словно в тумане. Расклад прост: его жизнь в обмен на жизнь человека, играючи превратившего его в изгоя, в чудовище. Или на жизнь единственного друга? Король не хотел умирать, не искупив свой грех, не совершив чего-то значительного.

Он отправил отряд братьев веры в трактир, где любил бывать Дал Рион, и пошел в часовню. Минуты текли очень медленно, делая ожидание невыносимым. Убийца хорош, но вряд ли ожидает подвоха, беспечность и наглость его и погубят. Никому не под силу в одиночку справиться с таким количеством воинов.

Уже спустя несколько часов Тристан спускался по лестнице в подвал, в котором исчезло немало заключенных. Золотистые волосы растрепались. Чувство вины изъязвляло его.

По приказу короля с головы пленника содрали мешок.

– Что ты делаешь? – Дал был разъярен, но тут же получил в живот от стражи. – Я же назвал тебе заказчиков, Тристан!

– Ты наемный убийца и мужеложец. Я собираюсь тебя казнить.

Больше бывший друг короля не произнес ни слова. Не раз заглядывая в лицо смерти, он прекрасно понимал, что слова не принесут эффекта, – и к лицу пристала маска бесстрашного наглеца. Рион был отважен, силен и неглуп, он обвинял Терновника презрительным взглядом, смеялся над чувством вины, которое постоянно заставляет людей наказывать за собственные проступки кого-то другого.

Но когда меч короля вонзился ему в сердце, Дал Рион умер, как и все.

Глава 3

Появление посла

Ветер разбудил меня. Шорох сухой травы, обрывки которой стремились упасть с обрыва. Хлопанье ткани. Холодный воздух шевелил волосы, обдувал грязную кожу. Утром тоска заменяла в сосудах кровь, я хотел распастись до небытия. Лучше просто сдаться и смотреть, как ползет по раздавленной траве муравей. Лежать так долго, устало и бесстрастно наблюдая за течением чужой жизни, пока не станешь растением или камнем. Я уткнулся взглядом в линии на собственной руке и потерялся в равнодушном созерцании, безмыслии. Бытие не имеет никакого значения. Я так рвался покинуть лоно Армады, а когда меня исторгли, ничего снаружи не нашел.

– Тебя ждут! – крикнул кто-то, распахивая куски ткани.

Отсутствие выбора сильно упрощает расклад. Именно поэтому я не только встал, умылся пригоршней воды и натянул черную шинель инквизитора, но и постарался привести себя в порядок, чтобы выглядеть достойно. Помятое лицо, истрепанная одежда, грязные сапоги, отсутствие украшений, которые пришлось продать, – все это подходило находящемуся рядом войску. Но я опасался, что останусь чужим, что меня разоблачат.

Много раз я участвовал в судах, ощущая раскаленными ладонями, правду или ложь излагает подсудимый. Другие считают подобные ответы тайной, но никакой загадки нет – я просто знал, вот и все. Инквизиторы не более проницательны, чем остальные, они не разбирают людей на части с помощью наблюдательности и ума. Они читают мимолетные движения лица и тела, пытка требует излишних усилий и часто дает неверный результат. Обмануть глаза можно, обмануть Бога – нет. Теперь же предстояло положиться именно на глаза и слух, которые так легко провести, потому что вера ушла, а вместе с ней и доступное немногим умение отличать ложь от истины.

Доктор Робер Кре, мой наставник, кричал, что единственная заслуга инквизиторов – способность ощущать присутствие Бога-отца. За счет этого присутствия становится возможным видеть искажение, которое вносит в мир ложь. Чем сильнее веришь, тем отчетливее виден мир, потому что Бог-отец ближе к праведным. Но мне отчего-то вспоминался отрывок из священного текста, где праведники стоят на высоком выступе и смотрят, как внизу от боли корчатся грешники. Возникало сильное желание скинуть надменных святош с горы, потому что лишь обманщики стали бы наслаждаться вечными муками других.

Кре утверждал, что вопросы, ставящие под сомнение веру, церковь и Бога-отца, лишают ощущения инквизитора остроты, размывают их, ведут к ереси и потере управления, пока способности не увянут совсем. Я задавал массу вопросов, так что, думаю, он был бы доволен, увидев меня сейчас в гуще безбожников.

Допив вчерашнее вино, я вышел наружу. Обрывки тумана стремительно утекали прочь. Кхола, люди ясности, просыпались, лагерь начинал бурлить.

– Слушай, инквизитор, ты же из столицы. Ты короля видал? – спросил разбудивший меня парень, Сорро.

– Издалека.

– Говорят, он святой?

– Святой. Бог-отец дал ему возможность чувствовать чужую боль.

– Лучше б он ему достоинство побольше дал, – посмеялся Сорро. – Бог-отец, скажешь тоже. Может, ты и его видал где-то, кроме книжек?

– Нет. Но как тогда король может творить чудеса? – попытался я сбить его с толку.

– Не знал, что чувствовать боль, – это чудо. Если бы он оживлял людей, другое дело.

– Он мог бы узнать, что у тебя в голове, если бы захотел. Все, о чем ты мечтаешь. Бог-отец дал ему возможность читать других, словно книги.

– Что же он не читает, а во дворце сидит? Сколько всего мог бы сделать такой умный король, а он лишь разбивает лоб в молитвах. Кари тоже может читать людей. Она говорит – многие могут, если будут стараться, просто никто особенно и не старается. Это как с любым ремеслом – у кого-то выходит, у кого-то нет. Часть случая, часть происхождения, часть усердия. Для чего-то нужно тратить годы, а у кого-то выйдет и за месяцы. Хорошим стрелком тоже просто так не станешь.

– Кто же тогда создал мир? Кто дает тебе возможность думать, ведь отличаешься ты от козла или коровы?

– Таков порядок вещей.

– Кто создал порядок вещей?

– Никто. Мир сложился из кучи мусора и, может, станет ею снова.

– Ты хоть раз видел, чтобы мусор складывался в кролика?

– Неплохо было б посмотреть, – посмеялся проводник. – Но и как Бог-отец создавал кролика, я тоже не видел. И не увижу, зуб даю. В мире много сил, которые тянут в разные стороны крошки земли, воду, воздух, плоть. Живые существа хотят еды и охоты, рожают, умирают, как и люди. Все перетекает и становится чем-то новым. До нас было много стран и народов, веривших, что они избранные, что их боги самые лучшие, что они идут правильной дорогой. И где

они? Все исчезли, никакие боги им не помогли. Круговорот жизни забирает и правых, и неправых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/zhanna-poyarkova/otstupnik-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)